

ЛИРИКА АНДРЕЯ ВИНОКУРОВА В САРАТОВЕ В 1920-Х ГГ

LYRICS BY ANDREY VINOKUROV IN SARATOV IN THE 1920S

A. Gavrilova

Summary: The article is devoted to the current problem of the inclusion of the cultural life of the Volga region in the 1920s in the all-Russian literary process. The focus is on the work of Saratov poet Andrey Vinokurov. The full text and analysis of the poet's poems are presented for the first time. The novelty is due to the involvement of «provincial» material, which is distinguished by its indisputable artistic value.

Keywords: Andrey Vinokurov, provincial writers, NEP, literary process.

Гаврилова Алла Александровна

кандидат филологических наук, преподаватель ГАПОУ СО
«Энгельсский промышленно-экономический колледж»
alla.gavrilova82@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме включения культурной жизни Поволжья 1920-х гг. в общероссийский литературный процесс. В центре внимания находится творчество саратовского поэта Андрея Винокурова. Впервые приводится полный текст и анализ стихотворений поэта. Новизна обусловлена привлечением «местного» материала, отличающегося бесспорной художественной ценностью.

Ключевые слова: Андрей Винокуров, провинциальные писатели, НЭП, литературный процесс.

Актуальность статьи связана с проблематикой литературного регионализма в контексте общероссийского литературного процесса. По справедливым замечаниям литературоведов, необходимо привлекать именно провинциальный опыт с целью расширения и дополнения периодизации литературного процесса и полномасштабного представления о «двадцатых годах» [6, 8]. Многие провинциальные литераторы, среди них и Андрей Винокуров, остались неизвестными по причине значительной утраты архивных документов. Данная статья открывает путь по восстановлению его имени.

В творчестве саратовских писателей 1920-х гг. центральное место занимали мироощущение и деятельность рабочего класса, а также его влияние на становление новой культуры. «Именно в это время, в первые послереволюционные годы, литературная жизнь города заявила о себе особенно ярко. К середине 1920-х гг. в Саратове насчитывалось более 30 литературных изданий. Здесь была создана одна из первых в России организаций Пролеткульта, а позднее – Саратовская писательская организация» [3, с.8]. Пропитанные революционным духом произведения авторов указанного периода отражали происходящие исторические потрясения, находили горячие отклики в читательской среде и, что немаловажно, одобрение со стороны власти. При этом следует отметить, что писателям-реалистам противостояли другие авторы, творчество которых контрастировало с пролетарской поэзией. А. Мухарева, Г. Левин, М. Советов, Вяч. Аверьянов, А. Вельдт, А. Винокуров, П. Скосырев – представители модернистских течений, публиковавшие свои произведения на страницах местных журналов. Примечательно, что целью изданий было привлечение саратовского читателя к литературно-художественной жизни. Действительно, саратовские журналы стремились «научить читателя ценить подлинное в литературе» [3, с.119]. Судя по напечатанным стихотворениям, ре-

дакция литературно-художественного и театрального еженедельника «Художественный Саратов», например, считала такую поэзию достойной внимания. «Конечно, стихи эти не идеальны, вторичны. В них слышны голоса то Некрасова, то Блока, то Маяковского. Однако на фоне поэзии того времени они выглядят довольно привлекательно» [3, с.121].

Так, на страницах «Художественного Саратова» (позже переименован в «Новый художественный Саратов») нашли свое место произведения Андрея Винокурова, который входил в состав этого литературного еженедельника. Остановимся на стихотворении «Лире», напечатанном в шестом номере «Художественного Саратова» в 1923 году.

Лире

Я сегодня смету для тебя с высоты,
Мои звезды – цветные камни.
Наряжайся! Украйся! Тебе все! Лишь ты,
Только ты, будешь в них в день рождения.

Я нарву для тебя ярко-крылых цветов,
Принесу, задушу ароматом.
Затоплю твою комнату музыкой слов,
Буду сам весь звучально-крылатым.

Миллион наберу я и скрипок, и лир,
Мандолин, пианин и роялей,
Чтобы дрогнул от грома аккордов весь мир
Еще шире раздвинулись дали.
Тебе гимн я сплету из весенних красот,
Вставлю год твой я в солнечном круге...
Сердце в звонкую грудь словно в колокол бьет.
Солнце небо прорвало на юге. [9, с. 3]

Стиль, приемы, рифмы – все говорит о знании ав-

тором стихосложения. Обращение к лире – характерный прием поэтов, так как она символизирует поэзию и вдохновение. Динамичность в стихотворении достигается с помощью трансформации в поэтическое творчество авторского «Я»: «я смету», «я нарву», «принесу», «задушу», «затоплю», «буду сам», «наберу я», «я сплету», «вставлю я», «затоплю твою комнату музыкой слов, буду сам весь звучально-крылатым». Для усиления звуковой выразительности автор использовал перечисления «миллион скрипок, лир, мандолин, пианин и роялей», под влиянием которых «дрогнет весь мир и еще шире раздвинутся дали». «Мои звезды – цветные камни», «ярко-крылые цветы» символизируют произведения поэта, его неповторимое творчество, затмевающее все вокруг. «Наряжайся! Украсься! Только ты будешь в них в день рождения». «День рождения» – рождение нового искусства, поэтических форм и языка.

В журнале «Новый художественный Саратов» А. Винокуров публикует детскую сказку в стихах «Сны».

Сны

Детская сказка

Эх, какие видел сны я
Нынче ночью, если б знали,
Будто все цветы лесные
В мою спальню прибежали.
Смотрят все улыбкой алой
И смеются звонко, звонко...
Встал с кровати. Одеваю
Сбросил, стал будить сестренку.
Вдруг прыгнули Незабудки
На постель целуют глазки:
– «Приходи к нам в лес, малютка,
Слушать песни наши, сказки.
Любим мы красивых, смелых,
С нами будешь сам цветочком,
Зазвенишь в березках белых
И заплывешь с ветерочком» ...
А потом, все встали рядом
Наперед прошли бутоны
Жгут меня весенним взглядом
И, смеясь, кладут поклоны.
Что за чудо? Уж не сплю-ль я?
Ущипнул себя, – нет, больно.
А цветочки, – кто на стулья,
Кто на стол: – «Пойдем, довольны» ...
Стал собираться. Тихо в зале.
Спали все. Спала и Надя,
Вдруг цветочки побежали
Все под стол, к моим тетрадам.
Я туда. Гляжу, за мною
Волк с сестренкою дерется...
А-а-а!!! – Проснулся... За стеною,
Вьюга плачет и смеется [5, с. 7]

Тема сна нередко встречается в лирике 1920-х гг. («Сон» Б. Пастернак, «Долины сна» К. Бальмонт, «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный» О. Мандельштам, «Сон» Н. Гумилев, «Сон» М. Цветаева), где сон представлен как альтернатива реальности и земного существования, как состояние вечного покоя и забвения души. Сон символизирует совершенно разные состояния человека: свободу, счастье, безрассудность, страх, бессилие.

В стихотворении А. Винокуров посредством изображения сна создавал двоемирие: с одной стороны изображена действительность и осязимо присутствие автора наяву («Эх, какие видел сны я / Нынче ночью, если б знали»), с другой стороны – ирреальность действительности («Вдруг цветочки побежали / Все под стол, к моим тетрадам»). Взаимодействие воображения и действительности являются характерными модернистскими приемами. Стихотворение состоит из восьми четверостиший, действие развивается постепенно – от неторопливого начала повествования до увеличения темпа развития событий, что достигается синтаксическими структурами и графическим изображением. «Сны» изображают метафорами и олицетворениями: «цветы в спальню прибежали», «смотрят все улыбкой алой», «прыгнули Незабудки, целуют глазки», «прошли бутоны», «весенний взгляд», «вьюга плачет и смеется».

Творческая деятельность А. Винокурова не была лишена также и любовных стихотворений. Тема любви в произведениях первой трети XX в. исследуется во многих работах, где концепт любви неразрывно связан с поисками духовности, с моральным и нравственным совершенствованием. Любви отводилась высокая роль в преодолении разорванности человеческой личности, в преображении мира, в создании этики творчества [2, 4, 7]. Литературоведы делают акцент на том, что только посредством любви человек обретает целостность. Любовь формирует новую реальность, состоящую из красоты и истины [2, с.82]. В связи с этим авторы считают, что любовь становится доминантой художественной мысли.

Затрагивая тему любви в поэзии провинциальных авторов, в частности Андрея Винокурова, справедливым будет отметить умение поэта глубоко и искренне передавать романтические переживания, а также воспевать красоту женского образа. Яркими примерами являются стихотворения «Девушке», «На лужке», «Ожидание». Остановимся на них подробнее.

Девушке

Светлая девушка с думами-грезами,
С глазками-искрами, с сердцем играющим,
Девичий путь твой украсить бы розами,
Жизнь увенчать бы Весной расцветающей.
В дали-б умчаться с тобою безгранные,
Со звоном серебряным, в дымной коляске –

Все: и луга, и поля златотканые
Вставить в искристые, девичьи глазки.
Солнцу бы на небо крикнуть: – Раскрашивай
Путь наш лучами в узоры венчальные.
Ветер, кружись и звени, но не спрашивай...
Дальше нам, в дали безгранно-зеркальные. [9, с. 5]

Для выразительности поэт использовал метафоры и сравнения: «светлая девушка», «с думами-грезами», «с глазками-искрами», «с сердцем играющим», «весной расцветающей», «со звоном серебряным», «в дымной коляске», «и луга, и поля златотканые». Природа служила автору идеальной метафорой для передачи эмоций. В качестве художественных деталей применены различные образы. Например, «солнце», «ветер», «весна» связаны с молодостью, счастьем и свободой. Автор использовал лексику «розы» как символ настоящей любви и счастья, как «символ молодости, нежности, невинности и чистоты лирической героини, а также страсти пылкой лирического героя» [1, с. 29]. Стихотворение «Девушке» наполнено упоением предчувствия любовного счастья. Как справедливо отметила В.И. Пахомова, «любовь в русской художественной мысли понимается как поиск гармонии, мыслится как расширение жизни и духа, она дает иной взгляд на бытие и представляет каждую частичку его и каждое явление как потенциально-прекрасное» [7, с. 123].

На лужке
Посвящаю Мане Ви-вой
Когда вышла ко мне ты на край села
На зеленый, росистый лужок.
Ты не зарей ли щеки накрашила
Не из тумана ль голубой был платок?
За тобой, как за пьяной вились следы,
Ты тропу по лужайке прожгла.
Ах, не ночью ль упавшие две звезды
Приколола для встречи той к ямкам глаз?
Подбежала, а губы – ни слова мне,
Точно встреча спалила слова...
Долго, долго в девичьем, утреннем сне
Лежала на сердце моем голова... [5, с. 9]

В стихотворении автор боготворит свою избранницу и встречи с ней. Встречи проходят далеко от чужих взоров («Когда вышла ко мне ты на край села»), герои встречаются часто («Ты тропу по лужайке прожгла»). Состояние возлюбленной передается с помощью образных средств: «Ты не зарей ли щеки накрашила / Не из тумана ль голубой был платок?». Наслаждение отношениями и их ожиданием передают слова «За тобой, как за пьяной вились следы». Автор умиляется девичьей застенчивости: «Подбежала, а губы – ни слова мне, / Точно встреча спалила слова...». Глаза словно звезды, светятся от счастья встречи с любимым («Ах не ночью ль упавшие две звезды / Приколола для встречи той к ямкам глаз?») Размеренность, покой и тихое счастье проступают в по-

следних строках стихотворения. Единение душ – это тот оплот счастья, в силах которого побороть все жизненные невзгоды.

В стихотворении «Ожидание» любовная тема переплетена с обстановкой действительности.

Ожидание
Все не пришла... А скоро вечер...
По парку – голубая пыль.
И солнце фабрике на плечи
Кладет Июльские снопы.
Уж был гудок... Чего же мучить.
Устал искать глазами шарф.
А вечер с загородней кручи
Все удлиняет мягкий шаг.
Пришел и в каменных ущельях
На радуги чугуновых дуг,
Развесил лампы – ожерелья,
А я гляжу в окно и жду...
Вдруг сталью звякнуло замочной...
- Ты здесь... А лоб. Что, скучно ждать,
Но ведь для свадьбы сверхурочно
Я, милый, оставалась ткать...
Упал на лоб мой – локон черный
А в сердце – звездные глаза.
Мне жарче было, чем у горна.
Я... ничего ей не сказал [9, с. 6]

Название стихотворения полностью определяет сюжет. Лирический герой находится в долгом ожидании своей возлюбленной, которая задерживается на фабрике. Для придания некой романтической недоговоренности и создания у читателя ощущения длительного ожидания поэт многократно использует эллипсис: «Все не пришла... А скоро вечер.../ «По парку – голубая пыль / Уж был гудок.../ А я гляжу в окно и жду.../ Ты здесь... Вдруг сталью звякнуло замочной.../ Я, милый, оставалась ткать.../ Я... ничего ей не сказал». Поэт усиливает выразительность высказывания с помощью олицетворения: «И солнце фабрике на плечи / Кладет Июльские снопы / Вечер удлиняет мягкий шаг... / Пришел.../ Развесил лампы- ожерелья». Тягостное чувство ожидания передается также в строках: «вечер удлиняет», «устал искать глазами шарф» «радуги чугуновых дуг», «развесил лампы-ожерелья». В канву стихотворения вплетены реалии времени: фабрика, горн, гудок, чугуновые дуги, замочная сталь. Однако доминирующей темой остается любовь, как реальность вне реальности, как вечная составляющая жизни: «А в сердце – звездные глаза / Мне жарче было, чем у горна».

Таким образом, творчество Андрея Винокурова выделялось на фоне пролетарской литературы в силу отдаления от происходящих исторических событий. Ключом к пониманию творческих импульсов автора может служить его ощущение исторических перемен, которое

отразилось на глубине мысли, интенсивных поисках и оригинальности мышления. Подчеркнем, что задачи, связанные с толкованием стихотворения, имеют индивидуальный характер, и анализ произведения всегда остается вопросом спорным и открытым, а эстетическая деятельность и творчество поэта подвержены все большим интерпретациям.

Подводя итоги, необходимо отметить, что изучение

провинциальной культурной жизни становится приоритетным направлением для специалистов. «Воссоздание же целостной культурной жизни того или иного города в определенную эпоху, осмысление особенностей ее развития остается открытой и актуальной проблемой». [3, с. 413]. Перспективой исследовательской работы является дальнейшее изучение творчества Андрея Винокурова, а также других саратовских писателей Поволжья в период НЭПа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина М.А. Репрезентация лингвокультуры «роза» в русской поэзии Серебряного века / М.А. Аверина // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – № 38. – С. 27–31. – EDN SIBNJZ.
2. Булгучева С.А. Вербализация концепта «любовь» в поэзии Серебряного века / С.А. Булгучева, Т.Б. Бекова // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2017. – № 2. – С. 81–84. – EDN YNLVGP.
3. Губернская власть и словесность: Литература и журналистика Саратова 1920-х годов / Сарат. МИОН; под ред. Елиной Е.Г., Герасимовой Л.Е., Трубецковой Е.Г. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 421, [7] с.
4. Джежер Н.С. Взаимосвязь Эроса и других видов любви в религиозной эстетике Серебряного века / Н.С. Джежер // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 4. – С. 253–262. – EDN LSRFIP.
5. Новый художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник, 1923, №8.
6. Овчаренко А.Ю. «Большие двадцатые годы» в истории русской литературы XX века: к столетию журнала «Красная новь» / А.Ю. Овчаренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 311–316. – DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-311-316. – EDN SWCIFB.
7. Пахомова И.В. Тема любви в художественном опыте эпохи Серебряного века / И. В. Пахомова // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2014. – № 2(43). – С. 116–125. – EDN SHNDYP.
8. Хрусталева А.В., Г. Лелевич в Саратове. Из хроники саратовской литературной жизни / А.В. Хрусталева // Studia Litterarum. – 2021. – Т. 6, № 3. – С. 380–393. – DOI 10.22455/2500-4247-2021-6-3-380-393. – EDN QGNBEX.
9. Художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник. 1922, №1.

© Гаврилова Алла Александровна (alla.gavrilova82@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»